

Убийство на улице Кульер

Комиссар судебной полиции княжества в задумчивости достал из дешевого стального портсигара небольшую сигариллу, и начал разминать ее пальцами. Старая привычка, бессмысленная по отношению к дорогим сигариллам, сказала бы наблюдательному человеку о том, что когда-то, в выдавшем виды портсигаре хранились куда более дешевые сигареты, однако, в данный момент, внимание всех, кто мог делать глубокомысленные выводы из незначительных, на первый взгляд, деталей было приковано к телу на полу.

- Мда... , - наконец произнес комиссар и убрал сигариллу обратно в портсигар, - ну что ж, удивите меня, инспектор.

Полицейский средних лет, стоявший рядом, уныло ухмыльнулся:

- Боюсь, что ничего сверх того, что вы видите, шеф, мы не нашли. Отпечатки сняли, но, уверен, что пальцев убийцы мы не найдем. Женщина, Агнет Голонн, 32 года. Работала в местной социальной клинике медсестрой. Убита примерно между десятью и одиннадцатью вечера вчера. Два удара ножом, весьма профессионально. Эксперт говорит, что смерть в таких случаях наступает почти мгновенно.

- Однако ей хватило времени и сил, чтобы попытаться что-то написать на полу своей же кровью...

- Да, эксперт говорит, что это удивительно.

- Что, по-вашему может означать это «БО..», которое она пыталась написать? Она тратила на это последние силы, хотя давно должна была умереть к этому моменту. Это много для нее значило.

- Может имя убийцы?

- Вряд ли... она жила одна?

- Соседи говорят, что она мать одиночка. Воспитывала сына девяти лет. Сын пропал неделю назад. Я проверил, в местном участке есть заявление от нее о пропаже ребенка. В момент убийства соседи ничего не слышали. Когда она не пришла на службу утром, ее коллега из ночной смены решила зайти к ней домой и узнать что случилось. Дверь была не заперта.

- Еще что-нибудь?

- Убийца проник через дверь. Есть следы отмычек. Замок очень простой, дешевый. Его открыть – много ума не надо. Проверяем, пропало ли что-нибудь, но, у жертвы в сумочке лежит кошелек, и убийца даже не доставал его. На ограбление это не похоже. Пока это все, шеф.

- Добавьте в рапорт, что убийца вошел раньше жертвы и ждал ее, сидя вон в том кресле. Когда она открыла входную дверь, он спрятался за дверью в комнату, вот здесь, и напал сзади, как только она вошла. Отсюда следует, что это не бытовое убийство из ревности или мести, инспектор, - в противном случае, прежде чем наносят смертельный удар, обычно говорят жертве пару-другую слов. Тут имеет место быть хладнокровное профессиональное убийство. Вот тут, - комиссар нагнулся и приподнял подол платья убитой, показав еще одно пятно крови, - он спокойно вытер нож. Дорогой ему нож – не кухонный, схваченный сгоряча. Мы имеем дело с киллером.

- А..., - протянул было инспектор, но затем опомнился, - Да, шеф. Обязательно укажу это в рапорте. Было бы хорошо, если бы я смог также описать факты, указывающие на это.

- Кресло раньше стояло вон там, возле журнального столика. Сюда его могли перетащить только для того, чтобы видеть входную дверь. Так как все остальное вроде на своих местах, это, скорее всего, сделал убийца. Когда женщина вошла и зажгла свет, она бы насторожилась, увидев кресло не на своем месте. Однако она лежит практически на пороге – убийца застал ее врасплох, возможно даже когда она еще не включила свет в комнате. Еще объяснения нужны?

- Нет, шеф, благодарю.

- И передайте дело Алексу. Профессиональные киллеры это по его части, - добавил комиссар, выходя из квартиры убитой.

Подойдя к машине, он окинул взглядом окружающие дома по улице Кульер. В отличие от трущоб на южном конце города, заполненных иммигрантами, и превращенных в омерзительно грязное гетто, эти кварталы были куда более бедны, но, тем не менее, выглядели прилично. Здесь обитал тот класс бедняков, что считал, что можно недоедать и ходить в дешевой и поношенной одежде, но она непременно должна быть чистой, а дворы – ухоженными. Насколько комиссар понимал, полиция тут также была не частым гостем. Если преступления и совершались, то полиция крайне неохотно приступала к расследованию мелких краж и драк в «неблагополучных» районах, а жители, привыкнув к этому, переставали обращаться в полицейский участок. Скорее всего, пропавшего ребенка убитой даже не начинали искать. Комиссар покачал головой, и сел в машину. Через час ему надо было быть с еженедельным докладом у графа.

Граф опаздывал на встречу уже на двадцать минут. По словам секретаря, он задерживался на открытии очередного отделения своей больницы. Крайне стремительная карьера привела Графа одновременно на два министерских поста княжества, и если директор внутренних дел занимался скорее формальным контролем административной, социальной и судебной полиций, то пост министра социальной политики требовал постоянной активной работы. Последний громкий проект - графская клиника, которая стала одним из центров прогрессивной современной медицины. Не скупясь на расходы по переманиванию лучших светил медицины из соседних государств, граф создал действительно успешную больницу, где предпочитали лечиться не только местные обеспеченные граждане, но также и знать иностранных государств. Единственное, что не до конца понимал комиссар, так это что именно в данном проекте было социального, ибо цены на лечение вполне соответствовали спросу – глава судебной полиции был бы вынужден потратить почти годовое жалование на неделю лечения, возникни такая необходимость.

С графом он был знаком еще с кадетского училища, куда с трудом пробился через чудовищный конкурс, в то время как для аристократических отпрысков была заранее зарезервирована определенная квота мест. Впрочем, классовой ненависти у будущего комиссара, а тогда еще просто лопухого курсанта Люка Мессера, это не вызывало, скорее наоборот – он постоянно стремился превзойти носителей голубой крови по всем показателям и испытывал особенное удовлетворение, когда очередной барон тайком на перемене списывал у него решение задачек. Когда тщедушный граф обратился к нему за помощью и защитой от нескольких особо brutальных курсантов, Люк не колеблясь встал на его защиту.

После окончания училища их пути разошлись. Люк продолжил карьеру кадровым военным, пройдя в спецназе несколько военных конфликтов, и вернувшись на родину залечивать тяжелое

ранение, а граф, в то же время, сделав отличную политическую карьеру, вышел на тот уровень, когда опять нуждался в верном ему человеке, умеющему вовремя прикрыть спину. С тех пор, вот уже почти двадцать лет, комиссар своей работой обеспечивал политические успехи прежнего сокурсника. Отношения между ними строились на хрупком балансе фамильярности бывших однокурсников и субординации между подчиненным и начальником-аристократом.

Граф вошел стремительной походкой, на ходу махнув комиссару рукой, приглашая последовать за собой. Не подходя к креслу, хозяин кабинета присел на край большого стола и кивнул:

- Извини, что заставил ждать, Люк. У меня не очень много времени, у нас что-нибудь есть важное, о чем я должен знать быстрее, чем Князь узнает из газет?

- Убийство, Антуан. Профессиональному киллеру заказали медсестру из бедного квартала. Улица Кульер. Я только что оттуда. Когда разносит пресса, они могут подать это в скверном свете, так что да, думаю Князю надо об этом узнать от тебя раньше.

Граф нахмурился:

- Ты уверен, что убийство заказное, а не дело рук какого-нибудь собутыльника или уличной банды?

- На все сто. Работал профессионал. Доказать пока не могу и мотив мне неизвестен, но это только пока.

- Хорошо. Поручи лучшим людям, и держи меня в курсе. Загляни ко мне завтра, скажем..., - граф отвлекся, подойдя к столу и заглянув в ежедневник, - вот, в восемь вечера. Газеты напишут об этом завтра, и к вечеру мне надо иметь, что им сказать.

- Хорошо, Антуан.

- Что-нибудь еще?

Комиссар подумал о пропавшем ребенке убитой женщины, но решил не поднимать этот вопрос сейчас, пока не разберется, что предпринял по этому поводу полицейский участок, получивший заявление. Об это можно было доложить завтра.

- Нет, на этом все.

- Отлично, тогда не смею тебя больше задерживать. Увидимся завтра.

Прибыв в участок, комиссар вызвал к себе Алекса. Один из самых толковых детективов, уже вошедший в пору полицейской зрелости и опытности, но еще не растерявший силы и энергию молодости. Алекс отвечал за малочисленную организованную преступность княжества, а в отсутствие активности оной, часто перебрасывался на наиболее трудные дела в качестве поддержки молодым следователям.

- Тебя уже ввели в курс дела? – спросил комиссар, закуривая очередную сигариллу.

- Да. Успел уже съездить на место. Сейчас двое моих ребят опрашивают соседей, но уже есть свидетель, видевший киллера. Одна бабуса-божий одуванчик, похоже, живет, прилипнув к

дверному глазку, собирая информацию для сплетен с подругами. Она видела мужчину азиатской внешности, поднимающегося по лестнице примерно в полдесятого вечера. Мужчину она видела впервые. Спустя час, он же спускался обратно.

- Под азиатской внешностью она понимает...

- Китайца, шеф. Не арабы. Кто-то из косоглазых.

- Полагаю, это несколько упрощает поиск?

- Киллер-китаец весьма редкое явление в нашем городе. Думаю, за ночь я найду тех, кто знает, что он за птица.

- Звони мне сразу как будет что-то конкретное. В местный участок заезжал?

- Напарник наведалься к ним. Заявление есть. Мальчишка пропал восемь дней назад – вышел из школьного автобуса в квартале от дома, но до квартиры не дошел.

- Понятно. Рассматривай это как два связанных дела. Совпадения бывают, но я предпочитаю в них не верить, пока не получу убедительных доказательств. У женщины крадут ребенка. Она явно начинает что-то предпринимать для его поисков, не надеясь на полицию, что, к сожалению, в ее случае, оказалось справедливым, и ее убивает профессионал. Найдем куда делся ребенок – найдем мотив. Так мне кажется. Хотя она медсестра... возможно имеет доступ к наркотическим препаратам. Версию того, что это дело рук наркомафии я бы тоже рассмотрел.

- Да, шеф.

- Ладно, работай. Не мне тебя учить. Завтра в четыре доложишь куда продвинулся, хотя очень надеюсь получить от тебя звонок раньше.

Звонок раздался в четыре утра.

Когда хмурый шеф доехал до набережной на окраине города уже совсем рассвело, но город все еще был окутан утренним туманом. Ежась от холодного влажного ветра, он подошел к группе полицейских, как раз тогда, когда труп подтащили к берегу. Алекс кивнул шефу и пояснил:

- «Малыш Ли». Приехал в город недавно, еще ни в одном деле не засветился. В основном ходил, собирал дань с местных азиатов, но как обычно, с узкоглазыми – никто ничего не подтверждает. Одни слухи. Любил ножи. Похоже, это наш киллер, шеф. Когда я узнал, что мне стоит его искать, его уже заметили в воде утренние бегуны. Вероятнее всего, его застрелили и сбросили с моста где-то выше по течению.

- Ставки растут, Алекс? Не просто заказали безобидную женщину, но и весьма круто заматают следы. Отчет экспертов по пуле получишь – свяжись. Еще что-нибудь нарыл?

- Пока нет. Все время истратил на поиски этого, - Алекс с досадой сплюнул под ноги.

- Хорошо. Выясняй на кого он работал, кто мог быть заказчиком. Я, пожалуй, навещу клинику, где работала убитая. Дело становится интересным, - комиссар поднял воротник плаща и пошел обратно к машине.

Клиника социальной службы производила удручающее впечатление. Комиссар и не предполагал, что в городе есть столько бомжей, сколько он встретил в приемной клиники. От стоявшей вокруг вони, он был вынужден прижать к носу платок. Вызванный главный врач поспешил проводить главу полиции в отдельный кабинет, куда комиссар по очереди вызвал всех коллег убитой. Результаты превзошли его ожидания: вместо обычных общих фраз в стиле «не представляю, кто мог желать ей зла», все свидетели сходились в том, что за несколько дней до смерти, Агнет вела себя странно. Во-первых, стала замкнутой и необщительной. Во-вторых, не только опаздывала на дежурства, но и периодически отпрашивалась во время работы. И самое главное, что подтвердили, как минимум две медсестры – и когда Агнет опаздывала, и когда она уходила с дежурства раньше положенного времени, она делала это не переодеваясь. Просто надевала пальто, поверх медицинского халата, вместо того, чтобы, как обычно, переодеться и оставить его в своем шкафчике. Комиссар еще не понимал, о чем это может говорить, но чувствовал, что эта та самая ниточка, за которую можно было зацепиться. Убитой зачем-то был нужен медицинский халат. Что это? Подпольные операции? Незаконные аборт? В этих случаях она бы наверняка купила себе второй халат, чтобы не вызывать подозрений. Речь не шла о чем-то регулярном. К тому же, когда Агнет покидала клинику, в ее руках не было даже сумочки – ее коллеги настаивали на этом. Женщина, оставляющая сумочку в шкафчике и идущая куда-то в медицинском халате.... если бы убитая скрывала свой уход с работы, Комиссар бы предположил, что она старается сделать свое возвращение как можно более незаметным, дескать она вышла ненадолго. Но в маленькой клинике отсутствие не скроешь... Зато в большой больнице... она запросто могла сойти за местного медицинского персонал, если бы зашла с черного хода, где обычно курят медсестры и зашла бы внутрь в белом халате, с накинутым на плечи пальто.

Комиссар вышел из клиники, сел в машину, и, не трогаясь с места, закурил. Нервно постукивая пальцами по рулю, он продолжил размышлять.

У женщины пропадает ребенок. После этого она начинает отлучаться из клиники, где работает, в другую больницу. Кстати, сколько у нас больниц в городе, со штатом более ста человек? Обычно несколько десятков работников всегда знают друг друга в лицо, и затеряться, прикинувшись своим, можно только, если счет персонала идет на сотни. Старый военный госпиталь, да новая графская больница.... Зачем она ищет ребенка по больницам, да еще при этом тайком? Не стоит отбрасывать вариант, что она прячет его в больничной палате, хотя, по словам коллег, после пропажи ребенка и до начала странного отсутствия Агнет на работе прошло четыре дня. Если бы она прятала сына, то навещала бы его с первого дня. Да и изобразить горе матери, потерявшей ребенка не просто – а коллеги медсестры ей поверили. Значит все-таки поиски. Комиссар подкинул монетку, посмотрел выпавший профиль светлейшего Князя и поехал в новую больницу Графа.

Удача не оставила Комиссара и в этот раз. Зайди он с парадного входа, администраторы в приемной вызвали к нему бы руководителя службы безопасности или, не дай бог, кого-нибудь по связям с общественностью, который вежливо бы дал ему понять, что в больнице все в порядке, никаких неизвестных медсестер нет, и не было, и «как только мы что-нибудь узнаем, обязательно вам перезвоним». Опытный следователь ходит с парадного входа, только имея ордер, и открывая эту дверь ногой. Если нужно узнать что-то действительно важное, начинать разговаривать надо с медсестрами в курилке у черного хода. Так как Агнет отсутствовала, чаще всего, в дневное время,

то сейчас в больнице должна быть именно та смена, которая могла ее видеть. Одна из медсестер действительно опознала убитую по фотографии. Она видела ее, и даже не раз. Пару раз они курили вместе внизу. Потом эта новенькая, как считала эта свидетельница, подменяла кого-то в архиве хирургического отделения.

Это была уже не просто ниточка. Это был хвост, за который можно было вытянуть все дело. Комиссар не стал заходить в саму больницу – тут излишней спешкой можно было только навредить. Вместо этого, он вернулся в машину и позвонил Алексу.

Алекс накопал тоже не мало. Неизвестно, какими именно методами он выбивал из жителей китайского квартала сведения, но добытая им информация была практически бесценна. Убитый киллер, в конечном итоге, работал на семью Йенса Ю. Как ни странно, она не была замешана в торговле наркотиками, как предполагал комиссар, а занималась в основном урегулированием дел внутри диаспоры, включая нелегальную доставку новых мигрантов из далекого Китая. Это было бы пустышкой, не добудь Алекс еще один не очень проверенный слух, который он приберег напоследок: семья Ю возможно была замешана не только в опосредованной работоторговле, но и в прямой покупке органов у молодых обнищавших жителей квартала.

Картина вырисовывалась достаточно стройная, но неприятная. Кроме того, в ней недоставало центрального элемента. Китайцы, скупающие органы у юношей, пропавший ребенок из бедного и неблагополучного квартала с одной стороны, и женщина, роящаяся в архивах хирургического отделения одной из новейших больниц, после чего к ней приходит киллер из той самой китайской диаспоры. Оставалось только два вопроса. Насколько глубоко руководство больницы было в курсе того, что происходит в ее хирургическом отделении, и кто, черт побери, смог опознать в якобы новенькой медсестре мать пропавшего ребенка, и отследить ее до ее квартиры? Вряд ли обычный хирург обладал нужными навыками.

До вечернего доклада Графу оставалось всего четыре часа.

Комиссар вошел в кабинет Графа ровно в восемь вечера, как только напольные часы отбили восьмой удар.

- А... Люк, присаживайся. Что нового по тому убийству?

Комиссар остался стоять, разминая в пальцах сигариллу.

- Дело практически закрыто, Антуан.

- Вот как? – Граф удивленно вскинул брови, и, скрестив пальцы, наконец, оторвался от бумаг и внимательно посмотрел на подчиненного.

- Да. Дело оказалось очень простым. Все началось, когда одна из семей в местном китайском квартале, имеющая некоторое отношение к известной Триаде, решила расширить устоявшийся бизнес и похитила ребенка из бедного квартала на другой стороне города. Занимайся они, как и прежде, исключительно китайскими мальчиками, возможно, все и дальше сходило бы им с рук, но жадность всегда подводит преступников. Похищенный мальчик был даже не первым, пропавшем в этом квартале на улицы Кульер. Но только у этого оказалась трезвая и очень настойчивая мать. Оказалось, местные мальчишки не только видели, кто украл ее сына, но и

также знали о том, что остальных беспризорников в районе забирал тот же черный фургон с китайским водителем.

Комиссар всегда завидовал способности аристократов сохранять вежливую улыбку и слегка отстраненное выражение лица, независимо от той бури, которая бушевала в мозгу.

- Воспользовавшись знакомствами в среде врачей, и потратив все накопления на взятки, мать ребенка выяснила, где именно проводили незаконные операции по трансплантации детских органов, и проникла туда, ища доказательства. Вероятно, она слишком приблизилась к разгадке, и триада занервничала. Не поставив в известность настоящего заказчика процесса, они предприняли, как они считали, единственное верное решение и послали к женщине киллера.

- Какой кошмар, - с удивлением произнес граф, - Ты нашел место, где делали эти операции?

- Да, Антуан. Это происходило в открытой тобой больнице.

Граф встал из-за стола и подошел к большому окну. Глядя на вечерний город, он произнес:

- Если пресса узнает об этом, это может повредить всему, что мы сделали в последнее время. У тебя есть доказательства, и имена, кто конкретно замешан в этом?

- Доказательства будут. Мы просеем всю больницу через мелкое сито. Полагаю, документы уже уничтожены, но свидетели никуда не денутся. Кто-то готовил мальчишек к операции, кто-то видел, как их привозили. Мы допросим каждого, и доказательства будут. Кто касается того, кто в этом замешан.... Я обратил внимание, граф, на новые и перспективные исследования вашей клиники. Одна из продвигаемых вами лично программ, это выращивание органов для трансплантации из стволовых клеток. Говорят, ваша клиника единственная в мире, кто продвинулся в данном отношении? У других только начали получаться клетки кожи, а вы уже выращиваете целые почки и печень?

Граф повернулся и прищурившись посмотрел на Люка.

- Я даже поговорил с некоторым персоналом. Кое-кто, имеющий отношение к данному процессу, утверждает, что видел, как наращивают размеры и массу небольших, можно сказать детских органов, но никто не знает, как именно получают органы из стволовых клеток. Это секретное «ноу хау» вашей больницы.

- И что ты хочешь этим сказать, Люк?

- Вероятно руководство больницы в курсе происходящего, Антуан.

Граф все также внимательно изучал лицо комиссара.

- Полагаю, ты сможешь мне разобраться и раздавить этот гнойник? Я хочу, чтобы всех виновных покарали, причем инициатива должна исходить от меня. Завтра я могу созвать пресс конференцию по этому поводу, если у меня будет хоть одно реальное доказательство.

- В таком случае, едва ли я смогу наказать истинного руководителя этого процесса.

- Люк, проработав столько лет на этой должности, ты заработал паранойю. Вероятно, тебе стоит подумать как минимум об отпуске.

- Ты прав, Антуан. Доказательств некоторым фактам у меня нет, и, скорее всего, не будет. Однако, паранойя свойственна не только мне.

- Что ты хочешь этим сказать? – Холодно поинтересовался граф?

- Думаю, граф, вы скоро это узнаете.

- Ты мне угрожаешь, Люк? После стольких лет, когда я продвигал тебя по карьерной лестнице, ты решил что можешь укунить кормящую тебя руку?

- Я служу закону, Граф. Закону, единому для всех, что, видимо, является за пределами вашего понимания. Но вы правы, данный случай явно вне моей компетенции, и я вынужден умыть руки. Рапорт об отставке я подам завтра утром. Не смею вас больше задерживать, граф.

Комиссар повернулся, по-военному щелкнув каблуками, и вышел из кабинета. Пройдя к лифту, он, однако, нажал не на первый этаж, а, поднявшись двумя этажами ниже, вышел на техническом этаже с панорамным видом на город.

Он видел, как граф садился в машину, и как отъехал от министерства. Он не знал, где это случится, но был уверен, что случится сегодня. Яркая вспышка сверкнула минут через пять. Эхо взрыва донеслось еще через полминуты.

Комиссар достал сигариллу и закурил.

С ядовитыми пауками трудно бессмысленно сражаться, не имея нужного оружия и выгодного положения. Лучше всего стравить их друг с другом. Когда цепной пес графа, каким его считал весь город, всполошил всю местную Триаду, та, справедливо сделала вывод, что граф сдал напарников со всеми потрохами, и нанесла ответный удар.

Комиссар с удовольствием выпустил клубы дыма в потолок, и улыбнулся.